

Шокотерапия в собственном доме

“Крум” Кшиштофа Варликовского в Центре имени Вс. Мейерхольда

Сцена из спектакля

“Я вернулся из Америки домой. Ничего не заработал, ничему не научился, не наладил связей, никого не встретил, не женился и даже ни с кем не познакомился. Не привез подарка маме, вообще ничего не привез, в чемодане лежит грязное белье?” Примерно такой репликой героя начинается пьеса Ханюса Левина, и дальше действие развивается по порядку – сцена за сценой убогого и отвратительного до смешного быта одной израильской семейки (почти как в фильме Этторе Сколы. Правда, там семья итальянская). Спектакль Кшиштофа Варликовского начинается с записанного на пленку монолога главного героя, чье лицо нагло и неотвратимо двигается на зрителя. “Твоя мать умерла два часа назад... Мама, – кричит он – не умирай, встань, будь все-таки сильна, как была в детстве. Мне нужно набраться сил, чтобы принять это...”

Крум (его играет любимый артист Варликовского – Яцек Понедзялек)

вернулся домой из Штатов ни с чем. Дома нашел не то, что ожидал – маму (сильно постаревшая, но такая же пронзительная Станислава Целинска; та самая, что снималась у Вайды в “Пейзаже после битвы”) нездоровая и хочет скорее увидеть внуков, бывшая подружка собирается замуж, однако дает ему понять, что если вдруг он не прочь, то и она не прочь, но проблема в том, что он не любит ее. Старый друг смертельно болен и требует от него немедленных ответов на вопросы вроде “когда делать зарядку – утром или вечером?”. Сосед как пил раньше возле дома, так и пьет, так же безобидно и беззлобно. Семейная пара знакомых заходит в гости, чтобы пожать... Наборный паркет (привезенный гастролерами с собой) обшарпан, диваны из модного некогда гарнитура “Вioletta” поистерлись и продавились, штукатурка подмокла, высохла и теперь висит неммым укором. Принадлежность до боли знакомых “апартаментов” какому-то неопреде-

ленному Западу выдают только вертящиеся на потолке стройные вентиляторы. Израиль ли это 70-х, как у Левина, или Польша 90-х, когда Варликовский начинал ставить, – в общем-то место значения не имеет. Блудный сын возвращается домой – старая тема без географической принадлежности. Тема библейская, но Варликовский не пользуется ее моралью. Другому – притча и ее истолкование его не интересуют как жанр. Образно важнее залпнуть за конец истории, за мораль, за банальный финал. “Они жили долго и счастливо и умерли в один день” – по Варликовскому, так не бывает, потому что он, образованный филолог и интеллектуал, каких свет не выдывал, не верит на слово.

Еще иногда он включает свет во время спектаклей, которые все у него длинные и идут без антракта, и вместе с артистами подглядывает за зрителями – ловит их на эмоциях, спонтанно возникающих по ходу пьесы. Даже знаящие его прием не успевают подготовиться и быть индифферентными, так как не знают, когда это произойдет, и их слезы недоумения или гнев станут видны другим и режиссеру. Прямо какая-то реконструкция античного театра архаических времен, когда Дионис еще сидел на оркестре. Взаимоконтроль за психическим состоянием зрителей и актеров – составная часть театра Варликовского. Одно из самых сильных мест в спектакле – когда урну с прахом Тугати (скончавшегося после удаления мозга) отухоло друга Крума) вываливают на стол и просто сдувают, согласно его последней воле. Нетрудно догадаться, что сдувают ее все персонажи разом, тщательно, долго, с возрастающим остервенелым удовольствием – прямо на зрителей. Деться некуда – пронзительные глаза артистов и

неожиданный дурацкий свет, приказанный режиссером, пригвождают к месту. По коже мороз, но вместе с тем уже идет привыкание, а за ним и нешуточный интерес к этим людям на сцене. За три часа спектакля время не сдвинулось с места, хотя какие-то события – свадьбы, похороны, рождения детей – происходили. А когда осыпались последние пылинки праха и запахло финалом рассказа о герое, у которого умерла мать, а он так и не смог оборвать физиологические нити, с рождения связывающие мать и дитя, возникло щемящее желание продолжения или просто какого-то театрального “вдру”. Но Варликовский знает законы мифа, и никакого “вдру” не будет. Смерть возвещена с экрана в начале, и урна с прахом в конце закольцовывает жизнь. Вот такой психологический театр. Депрессивный и эпатирующий, но в конечном счете небезнадежный.

Некогда Варликовский погрузился в науку об античности (Ягеллонский университет и Сорбонна), но применения знаниям в советской Польше найти, естественно, не смог, в этом Варшава и Краков мало чем отличались от провинциального Щецина, где он родился. В этой Польше он возненавидел буквально все и при первой возможности оттуда сбежал. Однако с китания по миру, в том числе и поездки на историческую родину в Израиль, принесли еще большее разочарование. Хотелось домой, не в Польшу, а ДМОИ. В конце концов, почему он должен был жить вдали от католической церкви, в которую его водила мама. И Варликовский вернулся в Польшу, окончил Школу искусств в Кракове и стал режиссером. Начал с “Гамлета”. На параллельном курсе учились молодые артисты – они и стали его основной труппой (боль-

шая часть их приехала на московские гастроли). Сначала ставить пришлось за границей, до тех пор, пока “польскость” снова не потянула режиссера домой, а в Польшу, в Варшаву, не созрела почва для “свежего” театрального течения. Варликовский вернулся и стал разить. Но польская мозоль не рассосалась, “тугая плоть” не растаяла. Интересно, до каких границ дерзость забросит режиссера и сколько времени он будет испытывать терпение сограждан. Пока Польша выносит терапию своего Сократа, занимающегося не государственными делами, не исцелением душ, а актуальным театром, в который ходит молодежь. Вокруг Сократа тоже была молодежь. И о смерти Варликовский высказывается вполне оптимистично, в духе Сократа, – зачем бояться того, о чем мы точно не знаем, хорошо это или плохо. А вот жизнь точно мерзкая – точно как у героев “Крума”.

Так что возвращения Крума и Варликовского ДМОИ имеют много точек соприкосновения. Любовая эгоцентричность этого режиссера раздражает, но одновременно обезоруживает. Кто сегодня может так открыто и вместе с тем так театрально говорить о язвах на теле современной семьи, о нештучных проблемах сорокалетних мужчин, впиоющем бесстыдстве женщин и тому подобном. Без резонерства и пафоса.

Говорят, что на эти двухдневные гастроли лучшего польского театра потрачено целое состояние – то есть можно было целый фестиваль организовать, но, право же, не надо больше фестивалей до конца года, вокруг хорошего единичного события может больше мысли заглубиться.

Екатерина БЕЛЯЕВА